

Писатель-билингв: свой среди чужих?

Ирина Белобровцева

Институт гуманитарных наук

Таллиннский университет, Эстония

Institute of Humanities

Tallinn University, Estonia

E-mail: venefil@tlu.ee

<https://orcid.org/0000-0002-1619-4642>

<https://ror.org/05mey9k78>

Резюме. Настоящая статья посвящена проблеме литературного билингвизма. Подводя итог разногласиям в среде языковедов относительно содержания и границ понятия билингвизма, статья, спроецированная в практической своей части на эстонско-русское литературное двуязычие, может – при отсутствии работ аналогичной тематики – считаться пролегоменами к данной теме. В вопросе о литературном или художественном аспекте билингвизма, в отличие от расхождений при определении границ и характеристик билингвизма вообще, все ученые единодушны: подразумеваются только те писатели, которые в совершенстве владеют двумя (или более) языками. Современный эстонско-русский литературный билингвизм рассматривается на примере творчества двух поэтов – Яана Каплинского (родной язык – эстонский) и Игоря Котюха (родной язык – русский), уже неоднократно выступавших в литературе на эстонском и русском языках, а также прозаика Калле Каспера, в 2017 г. впервые выступившего на русском языке с художественным произведением – романом «Чудо». Для решения поставленных задач использованы следующие методы: стилистический анализ текста, интервью с писателями-билингвами, анализ текстов писателей-билингвов с точки зрения наличия субстрата русского / эстонского языка и культуры.

Ключевые слова: современный межкультурный дискурс, литературный аспект билингвизма, эстонские писатели-билингвы.

The Bilingual Writer: A Stranger Among Their Own?

Abstract. This article addresses the issue of literary bilingualism. Summarizing the disagreements among linguists regarding the content and boundaries of the concept of bilingualism, the article – focusing in its practical part on Estonian-Russian literary bilingualism – can, in

Received: 12/08/2025. Accepted: 15/09/2025

Copyright © 2025 Ирина Белобровцева. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

the absence of similar studies, be considered a prolegomenon to the topic. The situation of Estonian-Russian and Russian-Estonian bilingualism as a whole has a specific character due to particular historical conditions. Contemporary Estonian-Russian literary bilingualism is examined through the works of two poets, Jaan Kaplinski (whose native language is Estonian) and Igor Kotjuh (whose native language is Russian), both of whom have repeatedly published literary works in both Estonian and Russian. Also considered is the prose writer Kalle Kasper, who, in 2017, made his literary debut in Russian with the novel *Miracle*. The following methods were used to achieve the research objectives: stylistic text analysis, interviews with bilingual writers, and analysis of bilingual authors' texts for traces of substrate influence from Russian and Estonian languages and cultures.

Keywords: contemporary intercultural discourse, literary aspect of bilingualism, Estonian bilingual writers.

Dvikalbis rašytojas: savas tarp svetimų?

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjama literatūrinės dvikalbystės problema. Jame apibendrinami lingvistų nesutarimai dėl dvikalbystės sąvokos turinio ir ribų. Praktinė straipsnio dalis skirta estų-rusų literatūrinei dvikalbystei. Kadangi šiuo klausimu tyrimų nepakanka, straipsnis gali būti laikomas įvadu į šią tematiką. Šiuolaikinė estų-rusų literatūrinė dvikalbystė analizuojama remiantis poetų Jaano Kaplinskio (gimtoji kalba – estų) ir Igorio Kotjucho (gimtoji kalba – rusų), kūrinių, publikuotais tiek estų, tiek rusų kalbomis, taip pat prozininko Kalle Kaspero romanu „Stebuklas“, kuris pirmą kartą buvos išleistas 2017 metais rusų kalba. Tiriant literatūrinės dvikalbystės problemą, buvo taikomi šie metodai: dvikalbių rašytojų tekstų analizė (rusų/ estų kalbos), tekstų stilistinė analizė, interviu su dvikalbiais rašytojais ir kt.

Reikšminiai žodžiai: šiuolaikinis tarpkultūrinis diskursas, literatūrinis dvikalbystės aspektas, estų dvikalbiai rašytojai.

Билингвизм уже в силу значения самого термина изучался в исторической ретроспективе, прежде всего, лингвистами. Но с течением времени выяснился особый интерес к нему как к явлению культуры со стороны представителей других наук – философии, психологии, социологии и социальной психологии, литературоведения и т.д. Однако даже у языковедов до сих пор наличествуют разночтения в том, как следует понимать суть двуязычия и его пределы. Классическим считается определение билингвизма, данное Уриэлем Вайнрайхом (*Uriel Weinreich*), согласно которому билингвизм – это владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения.

Вообще, позиции лингвистов относительно билингвизма в первом приближении колеблются от признания двуязычием «не обязательно совершенное

владение» двумя языками (*André Martinet*)¹, достаточно даже минимальной компетенции в одном из четырех языковых умений: понимать, говорить, читать и писать на неродном языке (*John Macnamara*). Эту точку зрения с различными оговорками и уточнениями разделяют Е. Блохер (*E. Blocher*), Л. Блумфилд (*L. Bloomfield*) и др. Более строгое описание билингвизма находим, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, которая соглашается считать двуязычием лишь «<О>динаково совершенное владение двумя языками; владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, например, родным диалектом и литературным языком» (Ахманова, 1966, с. 125).

Ситуация эстонско-русского и русско-эстонского двуязычия, рассматриваемая в настоящей статье, в силу ее специфического характера нуждается в представлении. Если любая языковая пара в модели двуязычия «эстонский язык – язык Х» может быть рассмотрена объективно, на чисто научной основе, то почти каждое исследование ситуации эстонско-русского и русско-эстонского двуязычия оказывается невозможным без упоминания особых исторических условий: в памяти и сознании эстонских лингвистов жива русификация, которой подвергались эстонский язык и культура в конце XIX – начале XX в., когда Эстония входила в состав Российской Империи, а также с момента установления в Эстонии советской власти в 1940 г. Молчаливое противостояние имперской и советской политике было делом чести эстонской интеллигенции, в конечном итоге сохранившей эстонский язык и культуру до момента обретения Эстонией государственности в 1991 г.

Подобное упорное сопротивление русификации выходило порой за рамки чисто научных дискуссий и оборачивалось введением в научный оборот не всегда обоснованных и не подтвержденных практикой гипотез и выводов. Приведем для примера мнение авторитетного эстонского лингвиста Мати Хинта, который в одной из многочисленных релевантных статей конца 1980-х гг., позже составивших книгу «Язык истинный правдивый и ложный» (*„Keel on tõde on õige ja vale“*), утверждал:

Двуязычие – это способность индивида использовать в равной или в близкой к равной мере два языка (в том числе и в мышлении). Подлинно двуязычный [человек] может свободно переключаться с одного языка на другой даже на середине фразы. Двуязычие

1 По утверждению Андре Мартине, столкновение в одной личности двух языков разной социальной и культурной ценности может быть психологически впечатляющим, но, если речь не идет о литературном гении, «языковые следы такого столкновения остаются на уровне нуля». Ср. оригинал: “...permanent linguistic traces of such a clash will be nil” (*Martinet*, 1953, pp. vii–viii).

*может быть достигнуто только в возрасте усвоения языка (до 5–6 лет) в семье или в среде другого языка, но не методами обучения иностранному языку*².

(Hint, 2002, l. 309)

Следом за А. Мартине, писавшим о недостаточном внимании исследователей к проблеме индивидуального многоязычия, М. Хинт заявлял, что двуязычие и, прежде всего, связанные с ним сомнения, трудности и опасности недостаточно изучены. С изучением второго языка в школе (в данном случае имелся в виду русский язык, на изучение которого в эстонских школьных программах советского времени отводилось все больше уроков) справляются 90% учащихся, но, по мнению автора статьи, остальные школьники из-за замедлений в развитии, обусловленных двуязычием, утрачивают возможность состояться как успешные молодые люди. Политическая подоплека этих статей была очевидна – язык малого народа нуждался в защите. Позже Хинт сам говорил о политической природе своих выступлений по проблеме двуязычия, при том что к этому времени уже были широко известны такие работы, построенные на результатах соответствующих экспериментов, как, например, «Связь двуязычия с интеллектом» (“The Relation of Biligualism to Intelligence”) канадских ученых Э. Пил и У. Э. Ламберта, свидетельствовавшие о преимуществах билингвизма – «ментальной гибкости», превосходстве в формировании концепций, большем разнообразии ментальных способностей (Peal, Lambert, 1962, p. 20). За тридцать лет, минувших со времени публикации работ Хинта, взгляды ученых на билингвизм претерпели кардинальные изменения. Основой инновационных работ 1970-х и 1980-х гг. стало исследование детской психологии и детского билингвизма (Cummins, 1979; Ben Zeev, 1977; Bialystok, 1986). Изыскания рубежа веков, как правило, посвящены когнитивному аспекту билингвизма (Genesee, 1989; Nicoladis & Secco, 1998; Greenhill, Huges, Littlefield & H. Walsh (Eds.), 1998 и др.). Но особенно резкий поворот произошел на гребне веков, когда опыты Э. Бялысток (E. Bialystok) и М. М. Мартин-Ри (M. M. Martin-Rhee), проведенные в 2004 г., доказали существование врожденного билингвизма. Подтверждение нашла и концепция возникновения билингвизма в процессе усвоения второго языка при уже сформировавшейся системе родного, то есть первого. Наряду с этим, опровергая опасения негативного воздействия двуязычия на хрупкую

2 Оригинал: „Kakskeelsus on indiviidi võime kasutada kaht keelt võrdselt või ligilähedaselt võrdselt (ka mõtlemises). Tõeline kakskeelne võib vabalt lülituda ühelt keelelt teisele kas või poole lause pealt. Kakskeelsus saavutatakse üksnes keele omandamise eas (viienda-kuuenda eluaastani) perekonnas või teistkeelses ümbruses, mitte aga võõrkeeleõpetuse meetoditega“.

человеческую психику, наука пришла к выводу о несомненной его полезности в деле улучшения когнитивных навыков и даже в защите от деменции в старости.

Более того, уже в середине XX в. кубинский культуролог Фернандо Ортис (*Fernando Ortiz*) ввел в научный оборот термин «транскультурность», который предполагает возникновение культурной синергии, т.е. «одновременного существования индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них» (Прошина, 2017, с. 158).

Процесс глобализации способствует появлению все большего числа двуязычных людей в повседневной жизни, соответственно, явление дву- и даже многоязычия по-прежнему вызывает серьезный научный интерес, однако данная статья посвящена специфическому аспекту билингвизма – билингвизму литературному, и более узко – эстонско-русскому и русско-эстонскому литературному билингвизму.

В вопросе о литературном или художественном аспекте билингвизма, в отличие от разночтений в определении границ и характеристик билингвизма вообще, все ученые едины: речь может идти только о писателях, владеющих двумя (или более) языками в совершенстве, что наделяет их, по удачному выражению Риты Сафариантс, «многомерным лингвистическим капиталом»³. Сегодняшние разногласия относительно билингвизма вызваны скорее оценочной составляющей, неизменно субъективной. Так, многие исследователи ссылаются на мнение М. П. Алексеева, который одним из первых обратился к проблеме многоязычия в литературном процессе и, приводя в пример французские тексты А. Стриндберга, А. Ч. Суинберна и О. Уайльда, говорил о необходимости их редактирования ввиду «инострannого акцента» и наличия множества погрешностей «с точки зрения природных французов». В результате Алексеев в 1980-х гг. пришел к выводу, что «усвоение чужого языка в писательском сознании *имеет предел*; творческое владение несколькими языками всегда оказывается в какой-то степени иллюзорным» (Алексеев, 1981, с. 14).

Перечень двуязычных писателей, создававших часть своих произведений на французском и не получивших признания французских читателей, можно было бы продолжить именами великих русских поэтов XIX в. Пушкина и Тютчева; так же не воспринимались носителями языка как французские стихи переводы с русского, выполненные Мариной Цветаевой, и др.

Вопрос о «двуязычном равенстве» в творчестве писателей-билингв не перестает обсуждаться с разных точек зрения, можно говорить о высокой

3 В оригинале: “multifaceted linguistic capital” (Safariants, 2007, p. 193).

частотности упоминания в подобных исследованиях имен двух русских авторов – Владимира Набокова и Иосифа Бродского, работавших на русском и английском языках (Набоков отчасти еще и на французском). Это обстоятельство, а также специфический характер их билингвизма – оба они перешли в своем творчестве на английский язык, уже состоявшись как писатели на родном русском – продолжают инспирировать появление русско- и англоязычных исследований, рассматривающих их художественный билингвизм в разных аспектах (см., например, уже упомянутую (Safariants, 2007), а также: (Григорьев, 2005; Beaujour, 1989; McMillin, 1994).

Вопросы, вызывающие наиболее острые дискуссии на подступах к анализу творчества писателей-билингв, сформулированы К. В. Балеевских, построившей свою работу по изучению литературного билингвизма на творчестве французского прозаика российского происхождения Андрея Макина:

- Почему писатель «уходит» в мир чужого языка?
- Чего ему не хватало в родной языковой системе? [...]
- Что в творческом плане приобретает автор от проникновения в культуру своего «второго дома» и, с другой стороны, что получает эта культура?
- Чем расплачивается писатель (в интеллектуальном плане) в результате такого перемещения, т.е. что он теряет?

(Балеевских, 2001; Балеевских 2002)

Ответы на эти вопросы можно найти в признаниях В. Набокова, помещенных им в предисловие к русскому изданию автобиографии «Другие берега»:

Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишним лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался, таким образом, не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого – или Иванова, няни, русской публицистики, а от индивидуального, кровного наречия. [...] и чудовищные трудности предстоящего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель не испытывал его до меня.

(Набоков, 1954)

Примерно то же Набоков повторял в многочисленных интервью, например, в интервью, данном Роберту Хьюзу в сентябре 1965 г.:

Я вообще перестал писать на своем родном языке, за исключением какого-нибудь случайно стихотворения. [...] Мое полное переключение с прозы на русском на прозу на английском было чрезвычайно болезненным – как учиться заново обращаться с вещами, потеряв при взрыве семь или восемь пальцев⁴.

(Nabokov, 1990, p. 54)

В том же интервью упомянут и Джозеф Конрад, сравнение с которым, никогда не писавшим на родном польском языке, неизменно вызывало у Набокова приступ идиосинкразии.

На вопрос о возможных причинах транслингвизма, или лингвистической миграции, зачастую отвечают, сравнивая великие и малые культуры и народы, более того, из этого сравнения нередко следует однозначный вывод: «История литературы показывает, что транслингвизм – это всегда движение в направлении к более престижному языку/культуре или, по меньшей мере, к равновеликому, и никогда – в противоположном» (Балеевских, 2001). В качестве аргументов приводится, например, «потребность более широкого самовыражения (в частности, словарь малых народов, как правило, уступает лексическому запасу великих) и самоутверждения (возможность получить известность за пределами своего этноса)» (Там же). Однако, говоря об эстонско-русском двуязычии, мы должны одновременно и признать, и опровергнуть это утверждение.

Отметим, что из трех авторов, чье творчество мы привлекаем в настоящей статье, у двоих – Яана Каплинского и Калле Каспера – родной язык эстонский, но русский *также* был у Каплинского и остается у Каспера языком творчества. Третий автор – Игорь Котюх – в сборнике стихов «Когда наступит завтра» (Таллинн, 2005) прибегает к юмористической самоидентификации: «[...] причислять себя к эстонцам – родной язык русский. Причислять себя к русским – не тот темперамент» и в интервью объясняет, что однозначного ответа на этот вопрос нет:

Я не могу сказать однозначно, что я считаю себя русским, по той простой причине, что уже сама среда, как мне кажется, формирует человека. [...] С другой стороны,

4 Оригинал: “I stopped writing in my native tongue altogether except for an occasional poem [...]. My complete switch from Russian prose to English prose was exceedingly painful – like learning anew to handle things after losing seven or eight fingers in explosion”.

я не могу отнести себя к эстонцам, хотя бы потому, что по-эстонски говорю с акцентом, это не мой родной язык. Получается, методом от обратного, я вынужден констатировать, что мне одинаково дорого и то, что я русский, и то, что я связан с Эстонией. [...] В семье основным языком был русский. Через язык я могу определить себя как русского человека.

(Котюх, 2018)

В уже упоминавшейся непростой ситуации со статусом русского языка в Эстонии заслуживают внимания объяснения, почему, вопреки соображениям прагматичным, время от времени переходил на русский язык Каплинский и переходит Каспер.

Наиболее известный из трех названных авторов, Яан Каплинский, многократно отвечал на этот вопрос. Иногда подчеркивая, что обращение в поэзии к русскому языку было спонтанным: «В последнее время пишу стихи только по-русски. А когда начал после долгого перерыва писать – стихи по-русски опубликованы в сборнике *Sõnad sõnatusse. Инакобытие* (Вагабунд, 2005) – то это случилось как-то само собой, трудно сказать, почему именно» (Каплинский, 2018). В беседе с Еленой Фанайловой на Радио Свобода 12 мая 2015 г. поэт говорил о двойной мотивации своего обращения к русскому языку: прежде всего, это был профессиональный интерес лингвиста, сравнивающего синонимические парные сочетания архаического типа (гуси-лебеди, тучи-облака, трава-мурава и пр.) в русском и некоторых финно-угорских, ныне уже вымерших языках. Сама мысль об архаике как охранительном начале языка привела Каплинского к констатации «удивительной живучести» русского языка, «несмотря на все политические события, революции и контрреволюции», и к удивительному в контексте сегодняшней Эстонии признанию: «У меня почти что ностальгия по старой царской империи» (Фанайлова, 2015). В его поэзии на русском языке эта ностальгия получила вполне материальное выражение – он использует старую орфографию (в частности, слова с «ять»).

Подобные объяснения позволяют сблизить решение поэта с известным японским обычаем – по достижении большого успеха на одном поприще сменить его, иногда даже приняв новое имя:

К старости лет хочется делать что-то новое, стать из классика (как обо мне у нас говорят) снова каким-то учеником, начинающим поэтом, который дрожит: ну, как получается, как? И я удивлен, я рад, меня тревожит, как меня принимают, что пишут о моем сборнике на русском языке. Это как вторая молодость.

(Каплинский, 2018)

Интервью «Независимой газете» Каплинский дает 11 августа 2016 г., после получения за книгу стихов «Бѣлыя бабочки ночи / Белые бабочки ночи» Международной Русской премии, очевидно, уже отрефлексировав и момент, и причину перехода на русский язык:

Все-таки русский язык мне ближе других иностранных, почти что второй родной язык. И русские коллеги, и читатели к моим стихам относятся с большим интересом и большим пониманием, чем англичане или американцы. [...] Я филолог, писать на другом языке – это вызов, трудное задание, решение которого доставляет мне большую радость. Как и открытие возможностей русского языка, углубление в его семантику, структуру.

(Логош, 2016)

Механизм обращения к русскому как языку творчества у Калле Каспера многоступенчатый: писатель говорит о своей давней нацеленности на более широкую читательскую аудиторию (и это вполне соответствует исследовательским выкладкам относительно прагматической основы выбора языка и культуры большой страны). Однако в случае с романом «Чудо» решающими оказались иные обстоятельства: К. Каспер представлял половину чрезвычайно специфического писательского и жизненного союза: его женой была прозаик армянского происхождения Гоар Маркосян-Каспер, ушедшая из жизни в 2015 г. Именно она при жизни выступала в роли переводчика с эстонского языка произведений своего мужа, о чем он рассказывает, раскрывая технику их совместной работы:

...она владела русским, разумеется, намного лучше, чем я, можно смело сказать – блестяще. Кроме того, хотя переводчиком значилась она, на самом деле, я всегда участвовал в работе, сперва делал для нее черновик перевода (Гоар неважно знала эстонский), потом обсуждал с ней беловик. Но вот ее не стало. И мне пришлось решать вопрос – как жить дальше. Начал я «Чудо» на эстонском, однако довольно быстро понял, что из этого ничего не выйдет. [...] И тогда мне пришло в голову перевести текст на русский, чтобы таким образом «проверить» написанное.

(Каспер, 2018)

Казалось бы, и здесь объяснение лингвистической миграции, прежде всего, прагматическое. Однако стоит прочесть роман «Чудо», балансирующий на грани «человеческого документа», литературы *non-fiction* и традиционного художественного текста, рассказывающий о смерти любимой женщины и невыносимом ощущении собственного бессилия и пустоты, о разрушении идеального, цельного существа, состоявшего по Платону, из двух половин, как

становится понятно, что сам переход на русский язык в данном случае – своего рода реквием, и причина перехода – чисто психологическая. Неслучайно, когда рассказчик «Чуда» узнает о приближении смерти жены, он думает: «мы погибли». Русский язык был домашним языком этого удивительного семейства двух писателей, и, пока он звучит в сознании рассказчика (а в силу жанровой специфики романа – и в авторском сознании), любимая жива.

Несмотря на объяснение причин транслингвизма самими авторами, исследование контекста, поведенческого аспекта существования Каплинского и Каспера в литературе может дополнить их трактовки фактором эскапизма. Множественность трактовок этого понятия в современной культуре свидетельствует об актуальности этой темы. В приложении к обсуждаемым писателям эскапизм обуславливается, прежде всего, резким понижением в обществе статуса интеллектуала. По утверждению Томислава Шолы, будущее интеллектуалов представляется жалким: «Интеллектуалы никогда прежде не играли в обществе такую жалкую роль, как сегодня. [...] Нас ждут трудные времена: ближайшее будущее, в котором культуре будет трудно отстаивать свою собственную значимость»⁵ (Šola, 2012, p. 77). В то время как музеолог Шола выстраивает свое исследование эскапизма и отсутствия у интеллектуалов миссии на примере современной ситуации с музеями, а, например, психолог Александр Гусейнов – на материалах своей работы с подростками (Гусейнов 2013), эскапизм в рассматриваемых нами случаях тесно связан с протестными настроениями двух названных эстонских авторов.

Оба писателя имеют филологическое образование (Каплинский окончил Тартуский университет по специальностям французская филология и структурно-прикладная лингвистика; Каспер – Таллиннский университет по специальности русская филология). У обоих отличный русский язык, и все же оба нуждаются в редакторе, первый – в большей, второй – в меньшей степени.

Поэтические произведения Каплинского, написанные на русском языке, редактировал поэт Сергей Завьялов. Он же был автором послесловия к книге «Белые бабочки ночи». Завороженный философской поэзией Каплинского, Завьялов завершает послесловие своеобразным отказом в значимости литературному билингвизму:

5 Оригинал: “Intellectuals have hardly ever had such a poor role in society as they do today. [...] We are facing hard times: an immediate future in which culture itself will have difficulty defending its own importance”.

*И еще одна важная вещь: абсолютно не важно, на каком языке ведется этот разговор. Потому что как есть вещи поважнее «поэзии» (если это не поэзия сырого воздуха), есть и формы выражения человеческой природы поважнее «языка» (если, конечно, это не язык родника или воробьев), где уравниваются **стихи, которые так и останутся сразу написанными и ненаписанными, рожденные и нерожденные мысли, названное и безымянное.***

(Завьялов, 2014, с. 91)

Этот аргумент легко сопоставить с утверждением Набокова о природе художественной мысли, в том числе и писателя-билингва. На вопрос интервьюера, на каком языке он думает, Набоков отвечает:

Я не думаю ни на каком языке. Я мыслю образами. Я не верю, что люди думают на языках. Они не шевелят губами, когда думают. Только определенный тип, неграмотный человек шевелит губами, когда читает или размышляет. Нет, я думаю образами, и время от времени фраза на русском или фраза на английском складывается из пены мозговой волны, вот и все⁶.

(Nabokov, 1962, p. 14)

Но, несмотря на надъязыковую, по мнению Завьялова, характер русскоязычной поэзии Каплинского, редакторское присутствие в книге весьма ощутимо. Это не просто языковая правка, это привнесение (очевидно, по согласованию с автором) уточнений и даже новых смыслов. Приведу всего один, но яркий пример первоначального текста Каплинского и его окончательное решение в сборнике «Белые бабочки ночи»:

Первоначальный текст:

*Мы все ныряем в неизвестном месте
будущее нахлынет на все что осталось от нас
следы на поверхности переродятся в круги
[...]
но те кто придут приплывут за нами
умеют лишь хрюкать и барабанишь
не знают о жажде и не торопятся жить и пить*

Окончательный текст:

- 6 Оригинал: “I don’t think in any language. I think in images. I don’t believe that people think in languages. They don’t move their lips when they think. It is only a certain type of illiterate person who moves his lips as he reads or ruminates. No, I think in images, and now and then a Russian phrase or an English phrase will form with the foam of the brainwave, but that’s about all”.

*Рано или поздно мы все нырнем в неизвестное
будущее нахлынет на все что от нас осталось
следы на поверхности переродятся в круги
[...]
но те кто придут приплывут за нами
умеют лишь хрюкать и барабанить
не знают о смерти и жажде не торопятся жить и петь*

Два значительных исправления первой и последней строк – замена настоящего времени на будущее и добавление идиомы «рано или поздно» (т.е. всегда, неизбежно) в начальной строке стихотворения и вставка слова «смерть», имплицитно присутствовавшего в первоначальном тексте, а также конъектура союза «и» в заключительной строке – не проясняют, а облегчают текст. К тому же утрачена и ироническая отсылка к широко известному плакату «Не ныряй(те) в незнакомых местах» (1987), задающая комическую составляющую.

Но и текст романа «Чудо» К. Каспера не свободен от эстонизмов. Это в определенной степени подтверждает правоту М. П. Алексева, говорившего о невозможности достижения писателями-билингвами одинакового совершенства в творчестве на родном и неродном языках. Еще два вывода предстают как новые закономерности глобализации: во-первых, можно предсказать стремительное увеличение числа писателей-билингв, а во-вторых, скорее всего, они будут владеть обоими применяемыми языками не в равной степени.

Помимо глобализационной модели, на ситуацию литературного билингвизма безусловно влияет сама эпоха постмодерна с ее ощущением литературы как игры, с ее «двойной оптикой», принципом нон-иерархичности и проч.

Этот аспект литературного билингвизма можно обнаружить в поэзии Игоря Котюха, основной корпус стихотворений которого составляет верлибр. Это явление постоянно дискутируется в современной русской литературе и критике. Верлибр приветствуется как наступление новой эпохи русского стиха, определяется в сопоставлении с прозой как нечто более совершенное, чем проза, как «сверх-проза»: «Сейчас, на примере русской литературы, мы видим рождение новой формации, более поздней и более совершенной, чем проза. Это и есть верлибр, и как мне кажется, именно к нему стоит относить хлебниковский термин “сверх-проза”» (Чернышов, 2009, с. 3). Более того, как бы вослед М. Е. Салтыкову-Щедрину, сравнивавшему писание стихов (разумеется, рифмованных) с приседанием на каждом шагу, современные поэты говорят об искусственности традиционного стихосложения. С точки зрения одного из наиболее известных адептов верлибра Владимира Бурича, «кон-

венциональные», т.е. традиционные, рифмованные стихи являются конкретным выражением категории искусственности (не следует вкладывать в это слово негативный смысл), а свободные стихи – эстетической категории естественности» (Бурич, 1989, с. 169).

Первое отличие И. Котюха как писателя-билингва от Я. Каплинского и К. Каспера состоит, прежде всего, в явном желании присутствовать в обеих литературах – русской и эстонской – одними и теми же произведениями. Часть его стихотворений, изначально написанная на русском языке, подверглась авторскому переводу, часть была переведена эстонскими поэтами (проблемы автоперевода выходят за пределы настоящей статьи и заслуживают отдельного исследования). С течением времени у Котюха все чаще возникает рефлексия по поводу его опыта писателя-билингва. Отметим, что высказывания писателей-билингвов о подобном опыте встречаются редко, однако есть важные совпадения в описании видения этого явления «изнутри»: например, в высказывании африканского писателя Б. Дадье, который утверждает, что язык произведения приходит из глубины его сознания, а двуязычный писатель «представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое... Это ставит его в известной мере в положение вне избранного языка, позволяет ему увидеть этот язык новым, сторонним взглядом» (Dadié, 1968, с. 245). Примерно то же психологическое состояние описывает в интервью и Котюх: «когда я пишу стихи, у меня постоянно в голове работает внутренний переводчик. [...] голова пишет одно стихотворение, образно говоря, сразу на двух языках» (Котюх, 2018).

Этот любопытный пример интроспекции, а также некоторые практически дословно переведенные верлибры Котюха проблематизируют вопрос об адресате билингвальной поэзии, заслуживающий отдельного основательного изучения. Исследователи литературного билингвизма уделяют серьезное внимание фиксации соприкосновения в произведениях писателей-билингв двух культур, двух способов мировосприятия, свидетельством чего выбираются проявления национального менталитета, литературные и языковые конструкции, психологические особенности. Именно в этом контексте следует воспринимать приведенный Котюхом пример апелляции к конкретной детали в эстонском переводе своего стихотворения:

...когда я жил в Выру <маленький эстонский город>, была у нас радиостанция, которая называлась «Радио Ринг», там постоянно шла какая-то музыка, какая-то информация по городу, рекламные объявления, и очень часто диктор сообщал, что можно подать объявление на радиостанцию, стоит это столько-то и столько-то,

и вот звоните на такой-то номер: erakuulutuste telefon <телефон частных объявлений> 1616. И [...] мне очень хотелось, чтобы в моем стихотворении про Выру [...] фигурировал вот этот самый „Erakuulutuste telefon“, но переводчик предложил что-то близкое к тому, как я это написал по-русски, я это зачеркнул и написал Erakuulutuste telefon, мне было важно, чтобы в стихотворении про Выру это было передано именно таким вот штампом.

(Там же)

Итак, в данном случае адресатом стихотворения на эстонском языке был даже не абстрактный эстонский читатель, а житель конкретного, описанного в стихотворении городка.

Контрпример обнаруживается в цикле стихотворений «Красота неочевидных вещей» того же автора, где отдельные произведения озаглавлены на манер дневника датами (без указания года). Так, в стихотворении «7 августа» перечислены прецедентные имена, названия, явления, значение которых уравниено отсутствием заглавных букв:

разговоры: от шумеров до гитлера, от красных кхмеров до транстрёмера, от португалии до вырусского языка, от монаха сюаньцзана до родителей ленина, от финно-угорского субстрата до менделеева, от сапфо до набокова, от латинских максим до французских ругательств, от польши до лао-цзы, от ду фу до паровоза черепанова, от пия v до российских детективов, от эстонских народных песен до церковнославянского языка, от индонезии до куусинена, от римской империи до арво пярта и тд и тп – с сергеем завьяловым в гостях у яна каплинского.

(Котюх, 2017)

Подзаголовок цикла, на первый взгляд, определяет адресата – «Стихи в прозе для 33 читателей», однако, если задаться вопросом, какой культуре принадлежат эти 33 человека, мы не найдем ответа на этот вопрос, настолько разнородные реалии перечисляет автор. Перед нами постмодернистская игра, где злободневные темы разговоров в компаниях чередуются с эстонской составляющей (вырусский язык, эстонские народные песни, арво пярт, финно-угорский субстрат), случайным подбором русских имен (Менделеев, Ленин, Набоков, Черепанов) и перечислением, очевидно, сферы интересов собеседников. Определить ментальность адресата подобного текста затруднительно, да, по-видимому, в намерения автора это и не входило.

С течением времени верлибры Котюха выказывают все большую его увлеченность именно постмодернистской составляющей поэзии. Эстонская литературная критика отметила, прежде всего, многочисленность и жанровое

разнообразие в его поэзии кратких форм (см. Kaus, 2017), но не менее важна языковая сторона: Котюх увлечен макаронической поэзией, обильно вставляет в русский текст эстонские слова и словосочетания. Зачастую в этом можно усмотреть расчет на комический эффект, хотя есть стихи, где комизм явно отнесен на периферию текста, в то же время, выбирая между *code-switching* и *mixing*⁷, Котюх предпочитает *mixing*. Ему, безусловно, известно, что «постулат монолингвистического предположения предполагает необходимость сохранения чистоты языка и избегания смешения языков, особенно в формальном образовательном контексте»⁸ (Bernardo, 2005), и, если он делает выбор в пользу *mixing*, это означает новое для эстонско-русской / русско-эстонской литературы использование экстралингвистических факторов.

Это явление новое для Эстонии, но все более часто встречающееся в творчестве писателей-билингвов: так, предваряя интервью с современным американским прозаиком Анной Улинич, Дэвид Стромберг замечает:

*Улинич использует транслитерированные русские слова на протяжении всей книги и позволяет себе не объяснять их напрямую. [...] Недостаток буквального понимания восполняется контекстом, в то время как те, кто понимает русский, могут оценить память о языке. Для русскоговорящего это выразительный момент, способ проникнуть в интимность этого языка, оставаясь в изгнании латинского алфавита; для англоговорящего это, возможно, напоминание о том, что под, казалось бы, понятной прозой скрывается параллельная, совершенно непонятная*⁹.

(Stromberg, 2007)

Это еще одно свидетельство близости и зависимости современного литературного билингвизма от глобализации – «мировое кочевье» (определение М. Цветаевой) одновременно и способствует литературному билингвизму, и выявляет в нем все новые и новые свойства.

7 code-switching – переключение кодов; mixing – смешение.

8 Оригинал: “postulate of the monolingual assumption presumes the need to preserve language purity and to avoid language mixing, most especially in the formal educational context”.

9 Оригинал: “Ulinich uses transliterated Russian words throughout the book, and takes the liberty not to explain them all directly. [...] Context fills in the lack of literal understanding, while those who understand Russian can appreciate a memory of the language. For a Russian speaker it’s an expressive moment, a way to enter the intimacy of that language while remaining in the exile of the Latin alphabet; for an English speaker, it is perhaps a reminder that underneath the seemingly understandable prose is a parallel one that is totally incomprehensible”.

Литература

- Алексеев, М.П., 1981. *Многоязычие и литературный процесс*. Ленинград: Наука, с. 7–17.
- Ахманова, О.С., 1966. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Сов. энциклопедия.
- Балеевских, К.В., 2001. Писатель-билингв: свой среди чужих. *Ярославский педагогический вестник*, № 3-4 (15-20). Режим доступа: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/12_2/ [см. 10 06 2025].
- Балеевских, К.В., 2002. *Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва А. Макина*. Диссертация ... кандидата филологических н. Ярославль. Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jazyk-kak-jeksplikacija-kulturnogo-opyta-pisatelja-bilingva-a-makina.html> [см. 11 06 2025].
- Бурич, В., 1989. *Тексты: Стихи. Увeterоны. Проза*. Москва: Сов. писатель.
- Григорьев, И.Н., 2005. *Литературный билингвизм В. Набокова: Синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя*. Диссертация ... кандидата филологических н. Пермь.
- Гусейнов, А.Ш., 2013. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности. *Человек. Сообщество. Управление*, № 3, с. 20–33.
- Дады, Б., 1968. Люди между двумя языками. *Иностранная литература*, № 4, с. 245–246.
- Завьялов, С., 2014. Русские стихи Яна Каплинского: возможно ли такое? *Ян Каплинский. Белые бабочки ночи*. Таллинн: Kite, с. 87–91.
- Котюх, И., 2017. Красота неочевидных вещей. Стихи в прозе для 33 читателей. Крещатик, 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2017/3/krasota-neochevidnyh-veshhej.html> [см. 12 06 2025].
- Логош, О., 2016. По-русски и «по-выруски» (Беседа с Я. Каплинским). *Независимая газета*, 11 августа. Режим доступа: https://nvo.ng.ru/person/2016-08-11/2_kaplinksiy.html [см. 05 06 2025].
- Набоков, В., 1954. *Предисловие к автобиографии «Другие берега»*. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова. Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/drugie-berega.htm> [см. 07 06 2025].
- Прошина, З., 2017. Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. Т. 14, № 2, с. 155–170.
- Фанайлова, Е., 2015. Бабочки ночи. Интервью с Я. Каплинским. *Радио Свобода*, 12 мая. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/26990644.html> [см. 11 06 2025].
- Чернышев, Д., 2009. Заметки о «сверхпрозе». *Литературные известия*, № 24 (28). Режим доступа: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=1492> [см. 12 06 2025].
- Beaujour, E.K., 1989. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration*. Ithaca, Cornell UP.
- Ben-Zeev, S., 1977. The Influence of Bilingualism on Cognitive Strategy and Cognitive Development. In: *Child Development*, vol. 48, No 3, pp. 1009–1018.
- Bernardo, A., 2005. *Bilingual code-switching as a resource for learning and teaching: alternative reflections on the language and education issue in the Philippines*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/259189348> [Accessed 12 June 2025].

- Bialystok, E. 1986. Children's concept of word. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, No 15, pp. 13–32.
- Cummins, J., 1979. Linguistic Interdependence and the Educational Development of Bilingual Children. In: *Review of Educational Research*, vol. 49, No 2, pp. 222–225. <https://doi.org/10.2307/1169960>
- Hint, M., 2002. *Keel on tõde on õige ja vale*. Tartu: Ilmamaa.
- Kaus, J., 2017. Harjutada ja kaotada tasakaalu. In: *Igor Kotjuh. Loomulikult eriline lugu*. Tallinn: Tuum, pp. 79–87.
- Martinet, A., 1953. Preface. In: Weinreich *Uriel Languages in Contact, Findings and Problems*, Mouton Publishers, The Hague - Paris - New York, viii-ix.
- McMillin, A., 1994. Bilingualism and Word Play in the Work of Russian Writers of the Third Wave of Emigration: The Heritage of Nabokov. In: *Modern Language Review*, No 39, pp. 1–26.
- Nabokov, V., 1990. Interview to Peter Duval-Smith and Christopher Bursall in mid-July 1962. In: *Strong opinions*. Vintage International, pp. 9–19.
- Peal, E., & Lambert, W.E., 1962. *The relation of bilingualism to intelligence*. Psychological Monographs: General and Applied. Vol. 76 (27), pp. 1–23.
- Safariants, R., 2007. Literary Bilingualism and Codeswitching in Vladimir Nabokov's "Ada". In: *Ulbanded Review*. Vol. 10, my nabokov (2007), pp. 191–211.
- Stromberg, D., 2007. *Russian as an American Language. A Conversation with Anya Ulinich*. 7 March. Available at: <http://zeek.net/703book/> [Accessed 5 June 2025].
- Šola, T.S., 2012. Escapism, lack of mission and immediate reality. In: Šola, T.S. *Eternity does not live here any more – a glossary of museum sins*. Zagreb, pp. 69–92. Available at: https://www.academia.edu/42670145/Eternity_Does_not_Live_Here_Any_More_A_Glossary_of_Museum_Sins [Accessed 8 June 2025].

Каплинский, Я., 2018. Интервью студентке Таллиннского университета Екатерине Белозеровой.

Каспер, К., 2018. Письмо автору статьи от 24.02.2018.

Котюх, И., 2018. Интервью студентке Таллиннского университета Екатерине Белозеровой.

References

- Akhmanova, O.S., 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moscow: Sov. Entsiklopediya.
- Alekseev, M.P., 1981. *Mnogoyazychie i literaturnyi protsess*. Leningrad: Nauka, pp. 7–17.
- Baleevskikh, K.V., 2001. Pisatel'-bilingv: svoi sredi chuzhikh. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, No 3-4 (15-20). Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/12_2/ [Accessed 10 June 2025].
- Baleevskikh, K.V., 2002. *Yazyk kak eksplikatsiya kul'turnogo opyta pisatelya-bilingva A. Makina*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh n. Yaroslavl. Available at: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jazyk-kak-jeksplikacija-kulturnogo-opyta-pisatelja-bilingva-a-makina.html> [Accessed 11 June 2025].
- Beaujour, E.K., 1989. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration*. Ithaca, Cornell UP.
- Ben-Zeev, S., 1977. The Influence of Bilingualism on Cognitive Strategy and Cognitive Development. In: *Child Development*, vol. 48, No 3, pp. 1009–1018.

- Bernardo, A., 2005. *Bilingual code-switching as a resource for learning and teaching: alternative reflections on the language and education issue in the Philippines*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/259189348> [Accessed 12 June 2025].
- Bialystok, E., 1986. Children's concept of word. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, No 15, pp. 13–32.
- Burich, V., 1989. *Teksty: Stikhi. Uveterony. Proza*. Moscow: Sov. pisatel'.
- Chernyshev, D., 2009. Zametki o «sverkhproze». In: *Literaturnye izvestiya*, No 24 (28). Available at: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=1492> [Accessed 12 June 2025].
- Cummins, J., 1979. Linguistic Interdependence and the Educational Development of Bilingual Children. In: *Review of Educational Research*. Vol. 49, No 2, pp. 222–225. <https://doi.org/10.2307/1169960>
- Dade, B., 1968. Lyudi mezhdv dvumya yazykami. In: *Inostrannaya literatura*, No 4, pp. 245–246.
- Fanailova, E., 2015. Babochki nochi. Interv'yu s Ya. Kaplinskim. *Radio Svoboda*, 12 May. Available at: <https://www.svoboda.org/a/26990644.html> [Accessed 11 June 2025].
- Grigoryev, I.N., 2005. *Literaturnyi bilingvizm V. Nabokova: Sintaksicheskaya interferenciya v angloyazychnykh proizvedeniyah pisatelja*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh n. Perm'.
- Guseinov, A.Sh., 2013. Spetsifika eskapizma v kontekste protestnoi aktivnosti lichnosti. In: *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, No 3, pp. 20–33.
- Hint, M., 2002. *Keel on tõde on õige ja vale*. Tartu: Ilmamaa.
- Kaus, J., 2017. Harjutada ja kaotada tasakaalu. In: *Igor Kotjuh. Loomulikult eriline lugu*. Tallinn: Tuum, pp. 79–87.
- Kotyukh, I., 2017. Krasota neochevidnykh veshchei. Stikhi v proze dlya 33 chitatelei. In: *Kreshchatik*, 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/kreshchatik/2017/3/krasota-neochevidnyh-veshej.html> [Accessed 12 June 2025].
- Logosh, O., 2016. Po-russki i «po-vyruski» (Beseda s Ya. Kaplinskim). In: *Nezavisimaya gazeta*, 11 August. Available at: https://nvo.ng.ru/person/2016-08-11/2_kaplinskiy.html [Accessed 05 June 2025].
- Martinet, A., 1953. Preface. In: *Weinreich Uriel Languages in Contact, Findings and Problems*, Mouton Publishers, The Hague - Paris - New York, viii–ix.
- McMillin, A., 1994. Bilingualism and Word Play in the Work of Russian Writers of the Third Wave of Emigration: The Heritage of Nabokov. In: *Modern Language Review*, No 39, pp. 1–26.
- Nabokov, V., 1954. *Predislovie k avtobiografii «Drugie berega»*. N'yu-Iork: Izd-vo imeni Chekhova. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/drugie-berega.htm> [Accessed 07 June 2025].
- Nabokov, V., 1990. Interview to Peter Duval-Smith and Christopher Bursall in mid-July 1962. In: *Strong opinions*. Vintage International, pp. 9–19.
- Peal, E., & Lambert, W.E., 1962. *The relation of bilingualism to intelligence*. Psychological Monographs: General and Applied. Vol. 76 (27), pp. 1–23.
- Proshina, Z., 2017. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. Vol. 14, No 2, pp. 155–170.
- Safarians, R., 2007. Literary Bilingualism and Codeswitching in Vladimir Nabokov's "Ada". In: *Ulbundus Review*. Vol. 10, my nabokov (2007), pp. 191–211.
- Stromberg, D., 2007. *Russian as an American Language. A Conversation with Anya Ulinich*. 7 March. Available at: <http://zeek.net/703book/> [Accessed 5 June 2025].

Šola, T.S., 2012. Escapism, lack of mission and immediate reality. In: Šola, T.S. *Eternity does not live here any more – a glossary of museum sins*. Zagreb, pp. 69–92. Available at: https://www.academia.edu/42670145/Eternity_Does_not_Live_Here_Any_More_A_Glossary_of_Museum_Sins [Accessed 8 June 2025].

Zav'yalov, S., 2014. Russkie stikhi Yaana Kaplinskogo: vozmozhno li takoe? In: *Yaana Kaplinskii. Belye babochki nochi*. Tallinn: Kite, pp. 87–91.

Kaplinskii, Ya., 2018. Interv'yu studentke Tallinnskogo universiteta Ekaterine Belozerovoi.

Kasper, K., 2018. Pis'mo avtoru stat'i ot 24.02.2018.

Kotyukh, I., 2018. Interv'yu studentke Tallinnskogo universiteta Ekaterine Belozerovoi.